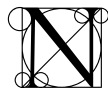

(PHILOSOPHY)

Эрих
ФРОММ

Искусство быть

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 159.9
ББК 88.6
Ф91

Серия «Философия — Neoclassic»

Erich Fromm

ON DISOBEDIENCE AND OTHER ESSAYS
THE ART OF BEING

Перевод с английского *А. Александровой*
(«О неповиновении и другие эссе»), *Р. Семаша* («Искусство быть»)

Серийное оформление и дизайн переплета
А. Кудрявцева, А. Ткаченко, студия «FOLD & SPINE»

Печатается с разрешения The Estate of Erich Fromm
and of Annis Fromm и литературного агентства
Lipman AG, Literary Agency.

Фромм, Эрих.

Ф91 Искусство быть : [сборник] / Эрих Фромм ; [пер.
с англ. А. Александровой, Р. Семаша]. — Москва:
Издательство АСТ, 2015. — 352 с. — (Философия —
Neoclassic).

ISBN 978-5-17-094192-6

Кто мы? Зачем? Смысл жизни — или, точнее, смысл бытия —
основной вопрос всей мировой философии.

«Быть или не быть?» — вопрос вопросов, заданный некогда
Гамлетом.

«Быть», — отвечал Эрих Фромм в одной из главных своих работ —
«Искусство быть». Но если быть, то как? И каким?

Фромм считал любовь искусством, доступным каждому.

Но если любовь — искусство, значит, искусство — и бытие?

УДК 159.9
ББК 88.6

© The Estate of Erich Fromm, 1981, 1982, 1989

© Introduction. Rainer Funk, 1989

© Перевод. А. Александрова, 2011

© Перевод. Р. Семаш, 2011

ISBN 978-5-17-094192-6

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

**О НЕПОВИНОВЕНИИ
И ДРУГИЕ ЭССЕ**

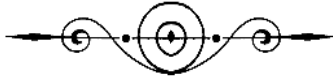
Предисловие

В этих эссе Эрих Фромм рассуждает о том, что значит слушаться человеческой природы и что — следовать целям человеческого общества, а также что значит не подчиняться разного рода идолам и политическим идеологиям. Сегодня его размышления все еще важны. Неподчинение конформизму и критическое отношение к общепринятой бессмыслице все еще должны быть нашей главной задачей.

Психологическое проникновение Фромма в социальные и политические феномены привело его к тому, что какое-то время он поддерживал американскую социалистическую партию и участвовал в движении за мир и в мероприятиях, направленных на разоружение. Его непослушание проявлялось в виде здравого смысла и размышлений о политике; по примеру пророков, он следовал разуму, как делали это Альберт Швейцер и Бертран Рассел.

Все статьи, вошедшие в этот том, публиковались ранее в книгах и журналах и здесь впервые собраны вместе. Они показывают глубокую озабоченность Эриха Фромма сохранением мира и выживанием человечества. Хочу поблагодарить всех, кто содействовал публикации этой книги.

*Аннис Фромм
Локарно, Швейцария, 1981 г.*

I. Ценности, психология и человеческое существование

Разум — тот инструмент, благодаря которому человек постигает истину, а интеллект — инструмент для более успешного управления окружением.

Данная статья посвящена тому, что ценности уходят корнями в самые условия человеческого существования; таким образом, знание этих условий — то есть «человеческой ситуации» — приводит к установлению ценностей, имеющих объективную значимость для человеческого существования; за его пределами отсутствуют и ценности. Что собой представляет человеческая природа, каковы специфические условия человеческого существования, чем являются потребности, проистекающие из этих условий?

Человек утратил исходное единение с природой, определяющее существование животных. Обладая одновременно разумом и воображением, он осознает свое одиночество и отдельность, свое бессилие и невежество, случайность своего рождения и смерти. Он не смог бы и мгновение выносить такое состояние, если бы не

сумел найти новые связи со своими товарищами-людьми, которые заменили бы старые, управляемые инстинктами. Даже если бы все его физиологические потребности были удовлетворены, он ощущал бы свое одиночество и отдельность как тюрьму, из которой он должен вырваться, чтобы сохранить рассудок. Действительно, тот, кто потерял рассудок, — это человек, совершенно не способный установить какие-либо связи с себе подобными и томящийся в темнице, даже если он и не находится за решеткой. Близость с другими живыми существами, тесная с ними связь — настоящая потребность, от удовлетворения которой зависит здоровье рассудка человека. Эта потребность лежит в основе всех феноменов, создающих гамму интимных человеческих отношений, всех страстей, называемых любовью в самом широком смысле слова.

Существует множество путей, по которым можно стремиться к такому союзу и находить его. Человек пытается достичь единства с миром, подчиняясь личности, группе, организации, Богу. Таким способом он преодолевает обособленность своего индивидуального существования, делаясь частью чего-то или кого-то большего, чем он сам, и идентифицируя себя с силой, которой подчиняется. Другая возможность преодоления изолированности противоположна первой: человек может попытаться соединиться с миром, обретя над ним власть, сделав других частью себя, и тем самым благодаря доминированию выйти за пределы индивидуального существования.

Общим элементом как подчинения, так и доминирования является симбиотическая природа принадлежности. Обе участвующие стороны лишаются своей целостности и свободы, они живут друг другом и друг для

друга, удовлетворяя свою жажду близости, однако страдают при этом от отсутствия внутренней силы и способности полагаться на себя, требующих свободы и независимости; более того, им постоянно угрожает осознанная или неосознанная враждебность, неизбежно вытекающая из симбиотических отношений. Реализация страсти к подчинению (мазохистской) или к доминированию (садистской) никогда не приносит удовлетворения. Такая реализация обладает самовоспроизводящимся динамизмом, и поскольку никакая степень подчинения или доминирования (владения, славы) недостаточна для ощущения идентичности или единства, человек стремится все к большему и большему. Конечный результат таких страстей — поражение. Иначе и быть не может: хотя целью является создание единства, страсти разрушают чувство целостности. Человек, которым движет страсть, на самом деле становится зависимым от тех, кому подчиняется или кого подчиняет, а не развивает собственную личность.

Существует только одна страсть, которая удовлетворяет потребность человека в единстве с миром и в то же время дает ему чувство целостности и индивидуальности, — и это *любовь*. Любовь есть *союз* с кем-то или с чем-то за пределами себя *при условии сохранения собственной отдельности и целостности*. Это готовность отдавать и приобретать, позволяющая полностью проявиться внутренней активности человека. Чувство любви избавляет от необходимости иллюзий. Нет нужды в том, чтобы приукрашивать образ другого человека или самого себя, потому что реальность общего владения и любви позволяет выйти за рамки индивидуального существования и в то же время ощутить себя носителем активной силы, которая и порождает акт любви. Значение имеет лишь

особое *качество* любви, а не ее объект. Любовь — это чувство солидарности с себе подобными, эротическая любовь мужчины и женщины, любовь матери к младенцу, а также любовь к себе как к человеческому существу; она являет собой мистический союз. В акте любви «Я» и «Все» делаются единым и в то же время «я» остаюсь собой — уникальным, отдельным, ограниченным смертным. Именно из полярности между отдельностью и единением любовь рождается снова и снова.

Другим аспектом человеческой ситуации, тесно связанным с потребностью в принадлежности, является состояние *творения* и жажда преодолеть это состояние пассивного *творения*. Человек попадает в мир без своего согласия и не по собственной воле. В этом отношении он ничем не отличается от животных, от растений, от неорганической материи. Однако будучи наделен разумом и воображением, он не может удовлетвориться пассивной ролью творения, ролью кости, брошенной из стаканчика. Им движет стремление выйти за пределы роли творения, преодолеть случайность и пассивность своего появления на свет, стать творцом.

Человек может дарить жизнь. Это чудесное свойство он разделяет со всеми живыми существами, но различие заключается в том, что он один сознает, что был сотворен или что является творцом. Человек может дарить жизнь, вернее, это может делать женщина, рождая ребенка и заботясь о нем до тех пор, пока он не станет достаточно взрослым, чтобы обеспечивать собственные потребности. Человек — мужчина или женщина — может творить, сажая семена, производя материальные объекты, создавая произведения искусства, порождая идеи, любя друг друга. Актом творения человек превосходит себя как создание, поднимает себя над

пассивностью и случайностью своего существования и попадает в царство целенаправленности и свободы. В потребности человека превзойти себя кроется один из источников любви, а также искусства, религии, материального производства.

Предпосылками творчества являются активность и забота. Такой же предпосылкой является и любовь человека к своему творению. Как же удастся человеку превзойти себя, если он не способен творить, если он не может любить? *Существует и другой ответ на потребность в преодолении: если я не могу дарить жизнь, я могу ее уничтожить. Уничтожение жизни также позволяет мне выйти за ее пределы.* Действительно, способность человека разрушить жизнь — такое же чудо, как и то, что он способен ее создать, потому что жизнь — непостижимое чудо. Актом разрушения человек ставит себя выше жизни, он превосходит себя как творение. Таким образом, конечным выбором человека, поскольку он движим стремлением превзойти себя, является выбор между созиданием и уничтожением, между любовью и ненавистью. Мощная сила стремления к разрушению, проявления которой мы видим в истории и свидетелями которой стали в наше время, коренится в природе человека, так же как и стремление к созиданию. Сказать, что человек способен развить свои исходные способности к любви и разуму, не значит наивно верить в его добродетель. Деструктивность также является потенциалом человека, уходящим корнями в само его существование; она обладает той же интенсивностью и мощностью, какие свойственны любой страсти. Однако — и в этом заключается главный пункт моих рассуждений — деструктивность служит *альтернативой* способности к творчеству. Созидание и разрушение, любовь и

ненависть не являются двумя существующими независимо инстинктами; они служат ответом на одну и ту же потребность в преодолении, и воля к разрушению возникает тогда, когда стремление к творчеству не может быть удовлетворено. Удовлетворение жажды созидания ведет к счастью, а деструктивность — к страданиям, и больше всего — к страданиям самого разрушителя.

Третья потребность, также вследствие условий человеческого существования, есть укорененность. Рождение означает расставание человека с его природным домом, начало расторжения естественных связей. Однако такое расторжение пугает: если человек теряет свои природные корни, то где он и кто он? Он окажется одиноким, без дома, без корней; вынести такое одиночество и беспомощность он был бы не в состоянии. Он лишился бы рассудка. Он может расстаться со своими природными корнями, только если найдет новые человеческие связи; только после того как он их найдет, он сможет снова почувствовать себя дома в этом мире. Так удивительно ли обнаружить глубокое стремление человека не разрывать естественные узы, бороться против отторжения от природы, от матери, от родной крови, от почвы?

Наиболее элементарной из естественных связей является привязанность ребенка к матери. Жизнь младенца начинается в материнской утробе; он существует так много дольше, чем детеныши большинства животных. Даже после рождения ребенок остается физически беспомощным и полностью зависимым от матери, и этот период беспомощности и зависимости также длится много дольше, чем у любого животного. В первые годы жизни не происходит полного отделения ребенка от матери. Удовлетворение всех его физиологических по-

требностей, жизненно важной потребности в тепле и любви полностью зависят от нее ; мать не только рождает ребенка, она продолжает давать ему жизнь. Материнская забота безусловна, она не определяется ничем, что ребенок делал бы для матери, никакими обязательствами с его стороны. Женщина заботится о младенце, потому что новое существо — ее дитя. Ребенок в эти решающие первые годы жизни воспринимает мать как источник жизни, как всеобъемлющую, защищающую, питающую силу. Мать — это пища, это любовь, это тепло; она — сама почва жизни. Быть любимым ею значит быть живым, быть укорененным, быть дома.

Как рождение означает расставание с обволакивающей защитой чрева, так и взросление приводит к уходу с охраняющей материнской орбиты. Даже у взрослого зрелого человека никогда полностью не исчезает жажда возвращения в когда-то существовавшую ситуацию, несмотря на то, что разница между ребенком и взрослым очень велика. Взрослый обладает умением стоять на собственных ногах, заботиться о себе и даже о других, в то время как ребенок еще ничего этого делать не умеет. Однако учитывая возрастающие жизненные сложности, неполноту наших знаний, случайности, подстерегающие взрослого человека, и неизбежно совершаемые им ошибки, положение взрослого не так сильно отличается от положения ребенка, как принято считать. Каждый взрослый нуждается в помощи, в тепле, в защите; несмотря на все отличия, потребности взрослого во многом сходны с потребностями ребенка. Удивительно ли обнаружить в человеке глубокую жажду надежности и укорененности, которые когда-то давали ему отношения с матерью? Разве не следует ожи-

дать, что он не откажется от этой жажды, если только не найдет другие способы ее удовлетворить?

В психопатологии находится множество свидетельств этого феномена — отказа покинуть всеохватывающую материнскую орбиту; в самой предельной форме это выражается в жажде возвращения в утробу. Одержимый таким желанием человек проявляет симптомы шизофрении. Он ощущает себя и ведет себя как зародыш в материнском чреве и неспособен даже к самым элементарным функциям младенца. При многих тяжелых неврозах проявляется то же стремление, но как подавленное желание, обнаруживающее себя только в сновидениях, проявляющееся в симптомах и невротическом поведении, что проистекает из конфликта между глубоким желанием оставаться в материнском чреве и взрослыми чертами личности, стремящейся жить нормальной жизнью. В сновидениях подобное убежище находит символическое выражение в образах темной пещеры, одноместной субмарины, ныряния в глубокую воду и т.д. В поведении страдающего тяжелым неврозом человека обнаруживается страх перед жизнью и зачарованность смертью (которая фантастически представляется возвращением в материнское чрево, в мать-землю).

Менее тяжелый случай фиксации на матери имеет место в том случае, когда человек позволяет себе родиться, но боится сделать следующий шаг — оторваться от материнской груди. Люди, застрявшие на этой стадии, испытывают страстное желание быть объектом заботы и ухода, защиты со стороны человека, выполняющего материнские функции, они навсегда остаются зависимыми: боязливыми и неуверенными, когда материнская опека отсутствует, но оптимистичными и